

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН О НАСТОЯЩЕЙ
ЛЮБВИ КАПИТАНА ЛЕДОКОЛЬНОГО
ФЛОТА, ДЛЯ МОЛОДЫХ ВЗРОСЛЫХ

Полярный Капитан

*"Она долго смотрела на звезды, но
еще дольше я смотрел на неё..."*

— Ф. А. Матисен

АЛАННА ДЕЙ

12+

Аланна Дей

Полярный капитан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63352676

SelfPub; 2021

Аннотация

История капитана ледокольного флота, его любви ко всему, что движет миром. О чувствах к девушке на другой стороне континента. О настоящем герое войны, про форты и Полярье. Когда душой ты слышишь волны, а дух ведет по пути к призванию. О том, кто спасал и был спасен. О научных экспедициях на край планеты и о любви к искусству. Про все стороны света и о том, где находит дом... – дом твоего сердца.

Содержание

Глава 1. Весна 1898. Лия. Вирма. Родная душа за морями многолетнего льда	7
Глава 2. 1919. А в глубинах моря вечная тишина	16
Глава 3. 1899. На Шпицберген с белыми медведями. Шведы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Аланна Дей
Полярный капитан

Глава 1. Весна 1898. Лия. Вирма. Родная душа за морями многолетнего льда

*По полям многолетнего льда,
Где рассветы туманные мгlistы,
На буксирах ведем мы суда,
Словно в связке в горах альпинисты.
И обратно уходим – туда,
Где сигналит о помощи кто-то,
Постоянные пахаря льда,
Моряки ледокольного флота.
Бирули. 1969.*

Это случилось весной 1898 года, я влюбился в чудесную девушку у ворот пункта содержания. Мне хотелось забыть все и слиться с ней в тихом танце на берегу только оттаявшей реки. Она стояла и слушала звук граммофона на одной из главных улиц города. Теплый ветер шевелил ее мягкий шарф. Она напоминала тихого лебедя на противоположном берегу. Тайным взглядом она отбрасывала взор то на меня, то на моего друга Рокса, такое имя он получил во время войны в запасах, когда еще не все хотели видеть будущее, тогда когда будущее менялось каждую секунду. Мы боролись за жизнь, за мир и за прекрасное небо. Зимой, когда падал

снег, люди, радовались всему, что происходило вокруг, никто не знал, чья секунда последняя. Я думал о том, что стоит забыть и закрыть все тетради в 98-м, но что-то приказывало мне писать.

Это было весной, и я все думал о ее глазах, запахе нежного парфюма, который доносил теплый ветер, мне хотелось идти вперед, догнать ее и придержать за руку, она будто застряла в памяти до тех пор, пока я не выпустил ее. Что-то из ее деталей запомнилось мне навсегда. Чувство чего-то родного не покидало всего меня несколько дней. Была ли она особенная? Даже... если только для меня, я бы сделал для нее все. Прошло около недели, с тех пор как ее образ не выходит у меня из головы. С каждым моим шагом она отдаляется, а при беге и вовсе исчезает. Иногда, кажется, она делает шаг вперед, ко мне на встречу, но тогда ее образ мутнеет. Проходя по набережной, мне были навеяны строчки для очередного произ-

ведения. Иногда стихи приходили про-
сто так, сами по себе. Я хо-
тел было записать, но потянувшись за
ручкой и пенсе, ничего не ока-
залось в кармане. Выгравировать стро-
ки на плите было бы слишком
неприлично для этого маленького город-
ка. (С твоим миром могут посту-
пить также скудно, как и с мо-
им, не запоминать надписи, не пом-
нить имена) Меня помнят как ночно-
го поэта нашей Вирмы. Когда восхо-
дила луна, я подходил к пришвартован-
ным лодкам и уплывал навстречу лу-
не по серебристой дороге из волн.
В одну из ночей я увидел, как
несколько девушек входят в озе-

Они напоминали тихих русалок у вод дикого океана, при-манивали путников и моряков в свои зеленые от водорослей сети и не возвращали назад, мне казалось, они скрывали самые грязные тайны нашего города, не делая ничего примечательного, они создавали хаос. Мне нравилось наблюдать за ними из-под тайка, особенно, когда несколько из пухловатых женщин обнажали себя и уходили в воды озера. Их зов становился сильнее, нимфы волн подливали им в голоса действительную сладость. Когда я засматривался, перед глазами появлялся образ той самой девушки с главной улицы, ее темно-коричневые волосы с отблеском янтаря на солнце и золотистый шарф, как бы я хотел увидеть ее снова...

Прошло немного времени, с тех пор, как я не могу забыть ее, навеянный ветром лик...

в моей памяти она остается лучем, пронизывающем самые темные уголки моего нутра, с военного времени по сей день, она призрак, хранивший все мои воспоминания.

Я мечтал увидеть ее в Вирме на выходных, считая, что она из приезжих, желал увидеть у набережных ее солнечный взгляд и немного небрежно сложенные кудри у лица. Мне так хотелось прикоснуться к ней, к ее коже, к ее вьющимся волосам. Оставшиеся дни я провел то на берегу, то за бокалом Шардене, наблюдая за ночным городом. Когда тучи за-слоняли вид, смотреть на небо было невероятно сложно. Я спускался все ниже и ниже по улице, только бы разглядеть ее, среди всех людей на площади у граммофона.

Она медленно шла в сторону толпы, мужчины оборачивались и замирали, когда мимо проходила эта девушка. Женщины приводили их в реальность и ревностно смотрели на нее, вывески кричали о спасении и о победе, а я только думал о том, чтобы все не испортить, подойдя к ней.

Еще всего один раз увидеть ее издалека, для меня была радость. Она остановилась у плаката «Здравствуйте, начнем сначала!».

–Здравствуйте! – раздался голос из-за спины.

–Добрый день, – тонким голосом, но весьма уверенно произнесла она.

Некоторое молчание между нами не нарушило ее спокойствия и грациозности.

–кхм, нравится плакат? – спросил я

Раздалось молчание.

– Можно пригласить Вас вечером на прогулку вдоль пляжа? Я бы...хотел...кхм...узнать Вас, то, чем Вы любите заниматься, Ваши любимые цветы и еще много всего другого, и...вечером будут танцы.

Я закончил свои предложения, нервно поднимался то на носочки, то опускался вниз, так было раза три, но позже я успокоился и принялся ждать ее ответа.

Когда она повернулась, мое сердце началось биться в два, а то и в три раза быстрее. Ее взгляд был направлен на меня, и я решил смотреть ей в ответ. Она не опускала, и не была замкнута, так по-бойцовски на меня еще никто не смотрел.

–Я... – пробормотала она, – я согласна, но мне нужно успеть на поезд к девяти вечера, дома ждет дочка, она скучает без сладостей в особенности, когда долго не видит меня, – пошутила девушка с золотистым шарфиком.

–Ну, раз так, значит, Вы успеете на поезд, я не прошу себе, если мы задержимся.

–Договорились, – она протянула руку, – Эливия.

–Федор. Приятно познакомиться Эливия. Значит, мы встретимся в... , – давая ей с ориентировать меня во времени, я смотрел в бездонные, как океан глаза и немного оцепенел.

–В 6 было бы здорово,– сдержанно произнесла она.

–на этом месте, – не теряя времени, быстро перехватил я.

– Да, пожалуй, приятно было познакомиться Федор, мне пора, – также отчетливо и гармонично.

Она отошла в сторону, а после и вовсе скрылась среди толпы. Мои мысли о ней снова вернулись, с ее исчезновением, ее не было только наяву, в мыслях она была постоянно.

Уже представляя сегодняшний вечер, я с радостью пошел за цветами, добавил лилий и ромашек, разных листьев, проходя с букетом мимо сада соседки, я выпросил пару ландышей и вставил их в общий багет. Я хотел, чтобы этот вечер был особенным. Я сделаю его особенным для нее.

Долго я не мог поверить в сегодняшнюю встречу, но ожидание заставляло ждать еще дольше, поэтому я переоделся и поднялся на крышу. Счетчики давно барахлили, и я решил

посмотреть эти запылившиеся жестяные коробки. Было темно и пыльно, сухой воздух, запах паленого, жарко. Крышу пекло, я старался наступать где-то между, чтобы ненароком неловко не провалиться в чью нибудь гарсоньерку. Подходя к проводам, запах становился все жаренее.

Весь день я провозился на крыше с птицами и пропотел в рубашке, инструменты были сложены мною в отдельную сторону. «На сегодня покончено» – твердо решил я. Заходя в квартиру, сразу включил лейку, из крана медленно собиралась и спадала каждая капля.

«Да, так дело не пойдет» – подумал я. «Ох уж эти соседи, подливают масла в огонь». Я вышел к реке и сразу же пришел в себя, в таких местах отдыхает душа, птицы, дикая природа, горы, я вылил на себя пару ведер с водой, лучше уж так.

Чистое русло реки у домов не редко помогало мне сосредоточиться даже на самых мелких и незначительных деталях. Широко расползлась река вдоль всей Вирмы, или же Вирма так бесцеремонно расположилась вдоль реки. Беломорье звало куда то вдаль. Сумской Посад заводил новые песни и стихи. Эта вода очищает сознание, переплыть на другой берег порой было трудно даже летом, стопы глубоко уходили в ил, растительность вокруг не была надежной. Люди придумали баржи, лодки и пристани, от каждого дома отходила деревянная лестница в морскую пучину. Там, под солнцем или луной, золотом или серебром, сердце замирало, и каждый слышал истинный голос из глубин своего сердца.

Часто Вирма выручала меня, жаль задерживаться я там не мог, мое сердце всегда принадлежало северному морю.

Готовясь к свиданию, я выбрал лучшее, что казалось по мне, перед тем как выйти, присел и облокотился на стену, белый потолок, большое окно и розовые лучи пронизывали всю комнату.

В те послевоенные годы я видел чудо во всем, и все считал чудом. Так и было: необесцененное, сохраненное, и навеки сожженное заживо в сердцах.

Глава 2. 1919. А в глубинах моря вечная тишина

*«Присутствие духа было его
основной чертой,
его рука крошила сталь.
Душа была чиста,
а цели человечны»*

Воспоминание 2.1. 1915. Рокс. О мировой

Однажды после войны я случайно встретился с другом окоп. Его седые волосы непреклонно выглядывали сквозь старенькую баржу. Я стоял в тихом месте, облокотившись на стальные колонны, и ждал отплытия. Чьи-то твердые шаги ступали на борт, этот утвержденный последовательный шаг невозможно забыть. Меня всегда отбрасывает в воспоминания. Ночью в лесу мы наступали из засады, нас было 12, вернулось двое, Рокс тащил меня по земле, после стрельбы, только жизнь кажется важной и так обесценивается одновременно. Ничего не слышно, звенит гул в ушах так, что перекрывает перепонки, везде блики пролетающих пуль. В глазах, то мутнеет, то чернеет, то троится, не различаешь своих и манергейцев. Не знаю, чем я заслужил пощаду Рокса,

мы стояли друг за друга, в такие секунды бездумно спасаешь то, что дорого. Он шагал так же, как и на поле боя, последовательно и бесшумно. Рокс любил действовать в одиночку, его разведка была под ответственностью судьбы, а удача была ему и вовсе не нужна. Слышались крики и жестокие тона в гоноре, он продолжал тащить меня до ближайшей, заезженной танками, землянке. Место укрытия, место спасения, но только не место жизни, там я и должен был погибнуть. Поутру природа утихла и Рокс вытащил меня из-под земли.

– ну что приятель, пойдём дальше? – он посмотрел на меня и немного почистил лицо.

– меня уже не залатать, иди, я останусь здесь, в земле тепло, – с ухмылкой, но решительно сказал я.

– согрелся что-ли? Найдем, кто согреет тебя по настоящему, когда выберемся отсюда. – Мрачно и серьезно произнес Рокс.

Он посмотрел на меня, как на смысл жизни. Откуда в нем столько веры и сил? Это было последнее, что сказал он, пока волок меня к нашим. Мы остановились у рощи, он спрятав меня в кустах и отошел к ручью. Собирать воду было опасно, легче умереть от обезвоживания, чем достать пару капель воды и неважно какой. Где то в тайне я надеялся, что он не вернется за мной и доберется, по привычке, в одиночку. Боль того часа заложена далеко в подсознании, мы вытащили пулю, промытым в ручье, ножом. Я зажевал несколько кусочков ткани и защебил меж зубами древесную кору. Рокс

же волок мое тело до победного.

Меня госпитализировали по прибытию, простреленную рану зашили еще на месте. А после, как моряка, отправили в Полярье. Там я встретился с Колчаком, предстояло уйти вместе Цусимское сражение. На крейсере «Жемчуг», я был старшим штурманом, быстроходное судно прокладывало путь русской эскадре, все спешили через южные моря на Восток на помощь русскому флоту. Война с Японией еще более сплотила людей. Несмотря на это, против каждого нашего корабля, измотанного долгим путем, японцы выставляли два, а то и пять своих кораблей. После страшных боев, русская эскадра потерпела сокрушительное поражение, приплыть на место, через весь земной шар, через Африку и все страны южного континента, само по себе героизм.

Наш крейсер разорвали на части, многих взяли в плен, я и Колчак предпринимали попытки обговорить условия, но ничего не было ясно. Каждый раз это заканчивалось избитием или решеткой в земле. В темноте я вспоминал Лию. С ней я обретал мир в разгар войны. Она напоминала мне о покое и уюте. Ее кожа, ее волосы, все это было ни с чем несравнимо из того, что я видел за всю жизнь.

Мое желание. Мой мир. Она, будто, жила в моем сердце. Я хотел вернуться, чтобы только увидеть Лию.

Мои чувства были неприкасаемы даже для меня. Как она дотянулась до них?

Это было невозможно.

В итоге, мы выиграли войну, но не мир.

После окончания войны Микадо разрешил пленным офицерам возвращаться в Россию. Вскоре я вернулся в Петербург.

Воспоминание 2.2. 1919. Возвращение. Ледокол

Случайная встреча бывших Поморцев на Ледоколе напомнила мне все наши жестокие, с кровью отбитые сражения. После войны все кажется неважным, я был просто рад видеть его на борту.

–ну что, приятель, – басисто заговорил Рокс,– хаха, бросаешься на поиски?

–мне нужно в речпорт до выходных. Говорят, будет собрание, надо уже отправляться в путь.

–на месте тебе не сидится, встретился, быть может, с миссис Матисен – снова смеясь, сказал мой напарник.

–миссис Матисен... – я задумался.

Он хлопнул меня по плечу, – в наших жизнях хватит места для всех, особенно для суповских дамочек на перронах, они еще и торгуют, ммм, ты бы видел чем!– Рокс отвел язык в сторону и растерянно посмотрел глазами вниз.

Я засмеялся и непреклонно покачал головой.

–Рокс, нам предстоит проплыть на этом Ледоколе вместе до Диксона, ты же еще помнишь?

–Значит, выпьем, приятель! Он также вальяжно пошагал в сторону пышной буфетчицы.

Собрание мореходов продлилось недолго, закончилось на распределении ролей буксиров и морских судов, было составлено расписание для всего что надо и не надо, лишь бы не сойти с ума на пароходе, спасая своих и раскалывая льды. Я взял все, что мне было нужно, радушно попрощался с Роксом и пообщался с коллегами.

Глава 3. 1899. На Шпицберген с белыми медведями. Шведы

Шпицбергенская градусная экспедиция. «Бакан» и «Ледокол №2».

Были обозначены все цели и пункт нашего прибытия, обеспечить нормальную работу важнейших арктических портов: Мурманска, Архангельска, Диксона – в западном районе Арктики и Тикси. Проведение – в восточном секторе Арктики. Создать ледокольную проводку судов по трассе Северного морского пути, а также союзных конвоев в зимнее время в Белое море. Ну и, конечно же, усилить оперативное поступление информации о погодных и ледовых условий в арктических морях для военного и транспортного флотов.

Я был готов проплыть миллионы мил, выполняя свою роль на корабле. Команду собрали ловкую, с ними бывали на кромках льда и у лавин Риджеха, многое прошедшие люди вызывают уверенность и страх. Картина была мне понятна, снова в море, в холодное, железное, морозное море. Ночью все обледеневаает. Якорный трос хрустит от ломающейся корочки льда. Часто нельзя затопить печь, может возникнуть аварийная ситуация, куда ее раскаленную с углями денешь. Да, чтобы собрать всю систему, еще и по расписанию, нужно время, а, порой, так хочется тепла. Сутки не можешь

согреться, обсушиться. Ужинаешь при свете электрического фонаря, а за окном толи ночь, толи день, непонятно и бескрайние равнодушные льды. Все от серых до голубых оттенков.

—Проложенных путей не существует, — говорил мой приемник. Что ж, значит, будем обходить льды, как всегда мы это делаем, открывая нынешнюю позицию карты на море, я обратил внимание на то, что наш путь будет не таким уж и долгим. Нужно дойти до Тромза, доставить пару человек, обезопасить себя и потолковать о военных действиях за пределами моря. «Только бы не передать им себя» — думал я.

Мы отправлялись с Петербурга. На английской набережной, возле дворца все приготовления были закончены. В субботу в полдень на «Бакане» мы отплывали до порта Тромзе, вице-адмирал Тыртов еще вчера подтвердил готовность корабля, меня это радовало. Ведь это означает, что необходимое продовольствие, топливо, хозяйственный инвентарь и строительное оборудование уже имеют место быть. Мы перенесли командой на «»Ледокол №2. Рядом шел «Бакан» и корабль с углем «Бетти», я был совершенно спокоен.

Мы отошли от медвежьего угла, и были почти на полпути между Европой и Шпицбергенем, но опустился густой туман. — Сбавить ход! — пронеслось эхом на корабле. Я приказал включить сирену, так мы иногда перекликались на всем пути. Когда туман рассеялся, шведов было не видеть ни на одной из точек горизонта. Чем ближе наша команда станови-

лась к острову, тем меньше топлива оставалось. Управленцами мы собрались в кают-компаниях.

—предлагаю, осмотреть горы, — сказал Чернышев.

—Видимо придется остаться на зимовку, — сосредоточенностью ответил я, — там дальше будет залив Горн, можно зайти в него.

—да, — оборвал Шмидт.

Прямо от берега вглубь острова простиралась ровная долина, защищенная с востока и запада высокими горами. Пришвартовавшись к гавани Госс, мы определили команды по 10 человек осмотреть местность по разные стороны. У вершин гор на небольшом плато геодезисты разбили палатки, предполагалось, что временами порывы бури могут снести палатки. Температура снижалась, мощные льды становились все безжалостней. С большими усилиями астрономы тягали оборудование на вершины гор. При сильном шторме и температуре ниже 0°C вместе, мы ставили палатки, и отогревались в оленьих мешках. Обе геодезические партии обитали на параллельных друг другу горах. До конца летних работ построили сигнальные вышки, частично выполнили необходимые астрономические и геодезические наблюдения. Астрономы постоянно что-то выглядывали в небе, и днем и ночью вели вахту и что-то записывали в журнал.

К сожалению, экспедиция оказалась отрезанной от всего мира на целых девять месяцев. Ледокол шведов обогнул ост-

ров Западный Шпицберген с севера, корабль прошел через пролив Хинлопен, запасов осталось вдвое меньше, несмотря на это капитанами приняли решение непрерывно курсировать побережье пролива Стурфиорд и переправляли исследователей из одного пункта в другой.

Больше чем на полгода нас оторвали от цивилизации, я приступил к снятию снимков. Наступала ледяная непроглядная тьма полярной ночи...

Штормы сопровождалась разрушениями. Начались северные сияния, которое затем часто повторялись. Я фотографировал все подряд, впервые зафиксировал все фазы этого искрящегося неба.

Мы свернули работу ближе к лету и отправили Ледокол №2 наткнувшийся на льдину в Европу. Сами же на следующий год снова вернулись в Госс ближе к гавани. Зимовать осталось человек 15 во главе с начальником экспедиции и отряд из 12 матросов – добровольцы 18-го флотского экипажа, они были уроженцы северных губерний. В ателье Европы для них было сшито зимнее походное снаряжение. Экспедиция предусмотрительно, с расчетом на непредвиденные обстоятельства, заготовила двухлетний запас провианта. Кроме того, для перевозки по суше и подъема на горы оборудования было закуплено полсотни дрессированных ездовых северных собак – сибирских лаек – с запасом корма для них. Со временем мы построили, жилой дом, рядом с домом была выстроена баня, а по соседству с ней – автономная электро-

станция, динамо-машина которой снабжала электричеством все поселение. На собрании с командой мы долго не спорили и назвали селение Константиновка, в честь князя. Район стоянки стали чаще посещать белые медведи, иногда подходившие к самому дому. С наступлением светлого времени они все чаще стали появляться на заливе. Медведи причиняли нам немало беспокойств, иногда от них приходилось отстреливаться.

С Чернышевым было обговорено возвращение в Петербург на «бакане». Князь встретил нас лично и долгое время разглядывал отчеты, и сделанные мной фотографии.

Тем временем на Шпицбергене, как я позже узнал из отчетов и писем, экспедиция работала в условиях полярной ночи. С ее наступлением участились жестокие штормы, бушевавшие иногда по два-три дня. После четырехмесячного отсутствия взошло солнце, тепла ждали еще пару месяцев, пока оно не перестало заходить за горизонт. В середине апреля зимовщики предприняли многосуточное путешествие по материковому льду к горным вершинам, чтобы продолжить измерительные работы. Восьмичасовые переходы в сопровождении собачьих упряжек отрабатывались заранее. Караван состоял из двух саней-нартов, ведомых восьмью собаками по центру и тремя матросами по бокам. Впереди шел проводник, за которым, не уклоняясь, следовала передовая лайка. На привале собак выпрягали и кормили сушеной треской. Тем временем разбирались возы и ставились палатки, в ко-

торые вносили олени шкуры и спальные мешки. Снаружи разжигали керосиновые кухни, варили похлебку из консервов, пили крепкий чай с ржаными сухарями. На ночевку с головой заворачивались в спальные мешки. После 10–12-часового сна заправлялись свежесваренной кашей и снова двигались семь-восемь часов пути без остановки. Ориентировались по карте, звездам и другим приметам, а при туманной погоде придерживались маршрута лишь по компасу.

Я же тем временем поехал к Лие в Иркутск. Письмами мы договаривались встретиться там у моего приятеля. Как

я узнал позже, Лие помогли всю дорогу, и она с Анютой добралась без трудностей. Я был безумно рад видеть ее. В поезде я представлял, как обниму ее и дочурку. Эливия была всегда рада, для нее каждый новый город вызывал удивление и восторг, я же был счастлив, что она с Анютой просто рядом со мной.

В Иркутске ее встретили мои знакомые, после я присоединился к ним. Подходя к калитке, я заметил, что кто-то подглядывает в окошко, а Лия вышла на ступеньки. Он трепетно обняла меня, ее сердце стучало очень быстро, но мое не уступало в ритме. Я оставил чемодан, после долгих объятий, мы зашли внутрь.

Я показывал свои старые фото, Лия мерила мою одежду, Анюта кушала сладости, вместе мы играли в прятки.

На прогулке я уделял все внимание Лие, а она в свою очередь не сводила с меня глаз.

Я смог вернуться на «Бакан» только к следующему лету, вместе с «Ледоколом №2», пароход «Рюрик» зашвартовали топливом и провизией, он принадлежал шведам в прежней экспедиции. В планы уложилось все, кроме последнего известия, льды полностью блокировали горные вершины, поэтому продолжать измерения в этом сезоне не имело смысла. Взяв на борт всех участников российской экспедиции и снаряжение, мы на «Бакане» и «Ледоколе-2» снялись с якоря и отправились в Европу, а через месяц были уже в петербурге.

Отчетность подходила к концу, и я выслал за Лией, ис-

кренне верил, что она приедет в Петербург и останется со мной.

На неделе, в середине октября Императорской Академией Наук в ресторане «Донон» собрали всех участников Шпицбергенской экспедиции. На «Шпицбергенском» обеде было человек 40, всех из них я знал и был знаком лично, но нас ждало еще другое мероприятие. Я хотел провести как можно больше дней с Лией.

Через несколько дней я уже с улыбкой на лице ехал на перрон встречать двух самых красивых девушек этого города. Я торопился и успел к тому моменту, когда подошел поезд. Было уже прохладно. Пока шел, я представлял, как она изменилась за то время, что мы не виделись. Представлял ее волосы, лучистые глаза и улыбку. Я ходил туда и обратно по длине всего поезда, лишь бы не упустить ее из виду. Я приостановился, когда увидел спускающуюся девушку с вагона поезда с девочкой в крохотной розовой шубке. Такое ощущение, что время на секунду остановилось. Она ярко улыбалась мне, взяв ручку Анюты, помахала в мою сторону. Я быстро пришел в себя, подошел и прикоснулся к ее щеке, приобнял и погладил Анюту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.